

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

УДК 330.101.5

А. С. ГАЛЬЧИНСКИЙ,
*профессор, доктор экономических наук,
главный научный сотрудник
Института мировой экономики и международных отношений НАН Украины
(Киев)*

КОНВЕРГЕНТНЫЙ РЫНОК — МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРСПЕКТИВЫ *

Проанализировано становление конвергентной формы рынка, которая рассматривается как альтернатива конкурентному рынку. Эксклюзивными представляются попытки определить концептуальные основы эволюции стоимостных идентификаций, гетерогенизации системы денежных отношений, корреспондирующей с представленной логикой эволюции рынка.

Ключевые слова: конвергентный рынок, конвергенция, ноогенезис, нооэкономика, сетевая экономика, сетевой рынок, информационная стоимость, гетерогенность денежной системы.

A. S. HAL'CHYNSKY,
*Professor, Doctor of Econ. Sci.,
Principal Sci. Researcher,
Institute of World Economy and International Relations of the NASU
(Kiev)*

CONVERGENT MARKET — THE METHODOLOGY OF A PERSPECTIVE

The formation of the convergent form of a market, which is considered as an alternative to the competitive market, is analyzed. Exclusive are the attempts to define the conceptual principles of the evolution of value identifications and the heterogenization of monetary relations, which corresponds to the presented logic of the evolution of a market.

Keywords: convergent market, convergence, noogenesis, nooeconomy, net economy, net market, informational value, heterogeneity of a monetary system.

В контексте научной дискуссии по поводу выхода из глобального кризиса, обуславливающего необходимость фундаментального обновления действующей парадигмы экономических знаний, прежде всего ее методологических начал, одно из ключевых мест занимает проблема теоретического обоснования концептуальных принципов, определяющих логику эволюции рыночных отношений. В научной литературе все большее распространение получает точка

* Материал публикуется в порядке дискуссии, начало которой положили академик НАН Украины В.М. Гец и член-корреспондент НАН Украины А.А. Гриценко статьей “Выход из кризиса (Размышления над актуальным в связи с прочитанным)” // Экономика Украины. — 2013. — № 6. — С. 4–19.

зрения, согласно которой становление постиндустриального общества сужает экономическое пространство рынка, его регуляторные возможности. В фундаментальном исследовании Э. Тоффлера “Третья волна” речь идет, в частности, о перспективе “трансырыночной” цивилизации [1, с. 463]. В. Иноземцев характеризует постиндустриализм как “постэкономическое”, а следовательно — и пострыночное, общество [2, с. 292]. О достижении “естественной границы экономики” и, соответственно, рынка заявляет и Д. Белл [3, с. 245]. Признаком прогрессирующей девальвации рынка считается кризис 2008–2009 гг. Такая точка зрения оказалась доминирующей, в частности, на Московском экономическом форуме (март, 2013 г.), на котором внимание было сосредоточено на поиске альтернативы “более чем тридцатилетнему господству рыночного фундаментализма с его демонстративным игнорированием интересов общества как такового” [4, с. 7].

По нашему мнению, такая позиция требует принципиальных уточнений. В приведенном анализе мы исходим из того, что системные сложности современной экономики не девальвируют, а, наоборот, актуализируют значимость рынка. Эту тенденцию подтверждает и кризис 2008–2009 гг., который, на наш взгляд, является отражением чрезмерного государственного вмешательства в работу рыночных механизмов, их обычно политически мотивированной корректировки. Не следует упрощать, как это в большинстве своем имеет место, концептуальную определенность рынка, забывать, что именно он выступает в экономике как институт социальных коммуникаций, ячейка разума, живой организм, отличающийся высокой адаптивностью, способностью не только накапливать информацию, но и адекватно реагировать на ее флуктуации, самосовершенствоваться. Социальная материя, формирующаяся на основе механизмов саморазвития, соткана из рыночных (наряду с другими) связей. Когда речь идет об осязаемом ослаблении в современных условиях регуляторно-когнитивной функции рынка, нужно учитывать, с одной стороны, системную неадекватность его нынешних институционально-правовых индикаторов, а с другой — смысловое и семантическое несоответствие реалиям новой экономики информационных потоков, механизмов их идентификации и измерения, действующих логически-понятийных конструкций.

Следует также учитывать и то, что саморегуляторные возможности рынка, его инновационные начала проявляются на расстоянии, удаленном от равновесия. Это всеобщая закономерность. Чем дальше от равновесия, тем рынок становится инновационно более дееспособным, усиливаются его обратные связи с нерыночными, прежде всего, социальными, политическими, духовными и другими факторами развития экономики. На этой основе актуализируются механизмы самосовершенствования — рынок становится не только более сложным, но и структурно более дифференцированным, функционально более гибким.

Соответствующие процессы происходят и в наши дни: под влиянием радикальной корректировки фундаментальных определений экономики, изменения ее функциональных ориентиров рынок раздваивается. На уровне традиционной экономики сохраняют действие механизмы классического конкурентного рынка. В свою очередь, трансакции новой социоцентрической экономики демонстрируют свою функциональную неадекватность конкуренции. На это не следует

закрывать глаза, с этим нельзя не считаться. Альтернативой этому является новая функционально неортодоксальная модель рыночных отношений — **конвергентный рынок**. Конституируя это понятие, мы отмечаем специфичность механизмов трансакций нематериальных ценностей, прежде всего знаний и информации как основного производственного ресурса постиндустриальной эпохи, ценностей, которые не подчиняются законам редкости и предельной полезности, а следовательно, и конкуренции. Соответствующую функцию берет на себя конвергенция, которая действует в первую очередь как атрибут отношений партнеров по “производству” информации и знаний, приумножению интеллектуального богатства, как инструмент обмена “доверия на доверие”, механизм накопления и реализации социального капитала. В плоскости соответствующих экономических отношений взаимодействующие субъекты рынка не поглощают друг друга, не теряют свою оригинальность, а, взаимообогащаясь, сохраняют свою идентичную уникальность, остаются самими собой.

Важно понять, что речь идет не только о чисто теоретической конструкции новой парадигмы рыночных отношений. Анализ показывает, что отношения конвергенции (face-to-face) интенсивно распространяются в реальной практике. Они связаны, прежде всего, с основами сетевой интернет-экономики, в пределах которой информация как первичный экономический ресурс является “достаточной для всех” [3] и принцип “быть”, а не “иметь” становится определяющим. Отношения конвергентного рынка утверждаются и на других уровнях. Речь идет о внутрикорпоративных отношениях горизонтальных (по своей структуре) ТНК. Л. Евстигнеева и Р. Евстигнеев абсолютно уместно поднимают вопрос об экономических отношениях на принципах конвергенции между финансовым капиталом и государством, корпорацией и малым бизнесом [5, с. 218]. В свою очередь, Ф. Фукуяма акцентирует внимание на конвергенции не только социальных и экономических, но и политических факторов развития [6, с. 13].

Понятно, что в этих констатациях речь идет о процессах, находящихся на этапе своего утверждения. В этом смысле мы говорим о конвергентной форме рынка как об адекватном образом еще не сформированной и не идентифицированной наукой реальности, реальности перспективы. Именно с этих позиций следует воспринимать представленный анализ, который мы оцениваем лишь как постановку одной из ключевых проблем методологического обновления действующей системы экономических знаний, как повод для принципиальной дискуссии, конструктивного диалога.

Альтернативность отношений конвергенции

Растущая значимость конвергенции в системе экономических отношений, по нашему мнению, связана с доминантами общецивилизационных трансформаций, которые органично корреспондируют с процессами прогрессирующей дематериализации экономического пространства, его очеловечивания. Наиболее принципиальные преобразования в экономике, в том числе и в системе рыночных отношений, осуществляются в этом направлении. Они перебирают на себя системообразующую определенность, затрагивают каждую клеточку экономических отношений, радикальным образом меняют не только функциональные механизмы, но и сущностные характеристики экономической реальности. Новый конвергентный генотип экономического развития связан со становле-

нием именно такой парадигмы экономики, экономики, которая, по словам К. Маркса, размещается по ту сторону материального производства.

Обращаем внимание читателя на еще одну линию цивилизационных трансформаций, касающуюся корреляции конвергенции с принципом прогрессирующей самодостаточности и свободы личности и, соответственно, растущей сложности общественных, в том числе и экономических, отношений. Логика отмеченного усложнения — это не аномалия, не отрицание траектории прогрессивного развития. Сложность — это основа ноогенезиса, расширение сети сознательного, формирование ноостической цивилизации и, соответственно, ноостической экономики * — сетевую-конвергентную интернет-экономику разума, “кибернетической экономики с электронной нервной системой” (М. Кастельс). В данном случае мы говорим не только о содержательном наполнении экономики постиндустриализма, ее трансформации в социоцентристскую систему, в которой расширенное воспроизводство богатства личности, ее креативного потенциала превращается в непосредственную самоцель экономического процесса, но и о смещении концептологии ее анализа в плоскость метафизической методологии, мировоззренческих основ современного постмодернизма.

Следует также отметить, что в нашем анализе речь идет только о тех общеэкономических аспектах конвергенции, которые непосредственно корреспондируют с системой рыночных отношений, детерминируют логику эволюции рынка, процесса утверждения его конвергентной парадигмы. Нас в первую очередь интересует соотношение процессов конкуренции и экономической конвергенции и, соответственно, понятий “конкурентный рынок” и “конвергентный рынок”, правомерность конституирования последнего.

В представленной методологической конструкции мы исходим из принципа историзма конкуренции, которая является не только “невидимой рукой рынка”, но и той основой, на которой формируются инновационный потенциал экономики, энергетика технологического самообновления. Это непреложная истина. В то же время следует учитывать, что наиболее адекватным полем реализации конкуренции являются эпоха индустриализма, массовое производство, экономика с доминантой материальных ценностей. Элементы конкуренции, безусловно, имели место и в предыдущие периоды. Однако говорить об их системности по отношению к экономике средних веков вряд ли корректно. Конкуренция в ее “универсальной определенности” — это продукт индустриальной экономики, экономический механизм трансформации феодального общества в капиталистическое, имманентный, по определению К. Маркса, закон движения капитала, экономики капитала. Конкуренция отождествляется с получением прибыли. Все, что не прибыльно, не конкурентно. С этим отождествляется и экономика. Законом развития такой экономики является закон селекции. Речь идет об экономике, основанной на логике “социального дарвинизма”, главным постулатом которого является заповедь “Пусть гибнут слабые, выживают лишь сильные”.

В качестве альтернативы конкуренции мы рассматриваем отношения конвергенции, которые в структуре постиндустриализма берут на себя функцию не

* Понятие “ноостическая экономика” впервые было использовано автором в [7]. Попытка системного обоснования соответствующего определения осуществлена в [8].

только организационного модуля, но и этической доминанты *. Если мы рассматриваем постиндустриальное общество как общество, преодолевающее принципы экономического детерминизма, а непосредственно постиндустриальную экономику — как реальность, располагающуюся за пределами материального производства, то должны определиться и в вопросе соответствующей функциональной альтернативы. В противном случае наш анализ будет лишен какого-либо методологического монизма. Конечно, можно вести речь о совершенствовании конкуренции, ее модификации, механизмах приспособления к новым условиям. Мы не отрицаем и такой возможности. В переходную эпоху так и происходит. Однако, чтобы осмыслить общую логику экономических трансформаций, доминанту гуманистических начал в этом процессе, нам нужно, хотя бы на гипотетическом уровне, ощутить более отдаленную перспективу. В контексте именно такого подхода поднимается вопрос о конвергенции как организационной и морально функциональной основе постиндустриальной экономики, ее этическом ядре.

На Западе “отцом” теории конвергенции считают Нобелевского лауреата по экономике 1969 г., известного нидерландского ученого Я. Тинбергена. В его работах речь шла о возможности конвергенции двух систем — капитализма и социализма, что уже само по себе очень важно для теории и практики современных глобально-цивилизационных преобразований. Активными сторонниками этой идеи были В. Ростоу, Дж. Гэлбрейт, А. Сахаров и другие известные ученые XX в. В нашем анализе мы рассматриваем соответствующее понятие в несколько ином контексте — непосредственного взаимодействия субъектов утверждающейся постиндустриальной нооэкономики. Мы исходим из того, что, в отличие от конкуренции, конвергенция — это не подчинение более слабого более сильному, а взаимодействие на принципах паритета и доверия, это условие реализации индивидуальности и самодостаточности каждого субъекта соответствующих отношений.

Конвергенция, как и конкуренция, является соревнованием; однако оно проходит не согласно логике “кто кого”. Решающей здесь является взаимная заинтересованность не только в сохранении, но и в усилении значимости противоположного (в том числе и неизвестного) субъекта экономического взаимодействия, его самореализации как второго “Я”. Если конкуренция ориентирована на успех, то конвергенция — на взаимное сближение. Экономическая система “выигрыш — проигрыш” трансформируется во взаимоотношения “выигрыш — выигрыш”.

Мы говорим о системе экономических отношений, где определяющей является тенденция не унификации, не концентрации и централизации, к которым вынуждает конкуренция, а наоборот — децентрализации экономики, ее гетерогенизации. В этой системе координат структурная целостность экономического пространства формируется, прежде всего, на основе духовно-коммуникативного синтеза, когда каждая личность, сохраняя свою уникальность, одновременно утверждает себя реальным “центром перспективы” (П. Тейяр

* В выступлении академика В. Гейца на Московском экономическом форуме абсолютно уместно была поднята проблема растущей значимости морально-этических начал новой экономики. В нашем анализе речь идет о конвергенции как приоритетной основе реализации соответствующей позиции.

де Шарден). В этом смысле конвергентная модель экономики приобретает признаки “синтеза центров”, при котором сближающиеся и взаимодействующие субъекты экономического процесса не поглощают друг друга, не теряют свою оригинальность, а, самообогащаясь, остаются самими собой.

Анализируемая проблема имеет еще один, возможно, самый принципиальный для экономической теории, аспект. Речь идет об инновационной функции конвергенции, ее энергетическом потенциале. Можно ли считать этот потенциал достаточным для обеспечения оптимального динамизма современного экономического развития и роста, не уступает ли он стимулирующим возможностям конкуренции, на которой основаны все богатства мира?

Мы же говорили об объективной обусловленности выхода на передний план не столько чисто материальных, сколько духовных факторов — интеллектуального потенциала каждой личности, социальных и мировоззренчески гуманистических рычагов экономических трансформаций. Собственно, такое переформатирование траектории развития в настоящее время и происходит. Преимущества конвергенции состоят в том, что она позволяет оставаться самим собой, чем и способствует реализации энергетического потенциала не только более сильных, но и каждого. Энергетический потенциал общества растет, прежде всего, на этой основе. Каждый человек — неповторимая личность, каждый имеет равные (природные) права в этом мире, каждому должны быть гарантированы условия для самореализации. Конкуренция — это прерогатива сильных, конвергенция — достояние всех.

Если конкуренция была и остается действенным инструментом стимулирования эффективности материальных рычагов развития (труда, земли и капитала), то при достижении доминантности нематериальными факторами (информацией, знаниями и социальным капиталом) эту функцию берет на себя конвергенция. Социальный капитал, к путям роста которого привлечено в настоящее время внимание теоретической аналитики, формируется на базе креативной силы взаимного доверия участников экономического процесса, а доверие прямо и непосредственно связано с отношениями конвергенции. Оно — атрибут “неотчуждаемых отношений” (А. Бузгалин). Доверие начинается с реальной свободы каждого, с признания не формальной, а действительной суверенности и самодостаточности хозяйствующих субъектов. У Нобелевского лауреата Ж.-П. Сартра есть такое высказывание: “Свобода другого — это основа свободы моего бытия” [9, с. 340]. По нашему мнению, в этой формуле отражена суть конвергенции.

Другая дискуссионная проблема касается принципа экономического рационализма, на началах которого выстраивается вся действующая конструкция теории экономических отношений, в том числе и теория рынка. Теория современных трансформаций ставит под сомнение адекватность новым реалиям и этого принципа. Лозунгом постновой современности является принцип *ratio*, который, по мнению французской исследовательницы Ж. Рюс, теряет системообразующую функцию, “сходит со своего пьедестала” [10, с. 626]. Нобелевский лауреат Г. Саймон является автором хорошо известной в научной среде теории “ограниченной рациональности”. В фундаментальном исследовании украинских ученых В. Базилевича и В. Ильина “Метафизика экономики” речь идет о растущей значимости в экономической жизни модуса иррационального [11, с. 552–592].

В представленном нами формате экономики расставлены несколько иные акценты. Речь идет не об отрицании *ratio* в целом, а о логике девальвации материально детерминированного *ratio*, *ratio* системно унифицированного человека, неперсонифицированного “Я”. На основе отношений конвергенции утверждается рациональность принципиально иного содержания, рациональность социоэкономики, предполагающая обновленную субъектность экономического процесса, специфику его целевой определенности, параметров полезности. Известный немецкий философ Ю. Габермас вводит понятие “коммуникативная рациональность” – рациональность “интерактивных отношений”, “согласия”, “горизонтальной субординированности экономических связей” [12, с. 105, 147, 240]. Когда мы говорим об основах конвергентной экономики, то абсолютно логична, по нашему мнению, их взаимозависимость с принципами “коммуникативной рациональности”.

На основе отношений конвергенции формируется качественно новая конструкция и экономического равновесия. Речь идет о системно сложном **нелинейном равновесии диссипативного типа**, которое характеризуется: **во-первых**, приоритетностью горизонтальных (прямых и обратных) связей; **во-вторых**, доминированием принципа самоорганизации каждого отдельного сегмента экономической системы, развивающегося на собственной основе и подчиняющегося автономным закономерностям; **в-третьих**, утверждением отношений, не поддающихся унифицированной логике экономической полезности, выходящих за пределы экономического детерминизма и являющихся постматериальными, индивидуализированными. В конечном счете мы исходим из того, что определяющим в соответствующей модели равновесия является не столько взаимозависимость воспроизводственных факторов экономики, сколько формирование баланса социальных, духовных и экономических составляющих общественного процесса, баланса между свободой и креативностью личности, которая всегда есть коллективно ассоциированной, сущностно социализированной. Что касается равновесия сугубо экономических факторов (*c*, *v*, *m*), то оно реализует себя как равновесие второго, производного порядка. В итоге – в системе экономического развития выделяется качественно новая трехзвенная взаимозависимость: **отношения конвергенции – доверие, формирующееся на ее основе, – социальный капитал**. Эта триада становится определяющим инновационным рычагом постматериального развития, наиболее адекватной его ценностям энергетической структурой, механизмом преумножения интеллектуального богатства, преодоления отчуждения человека. Новая парадигма экономических трансформаций формируется именно на этой основе.

Основы конвергентного рынка

В нашем анализе речь не идет об институциональном, как это было при административном социализме, отрицании конкурентного рынка. Мы говорим о **логике саморазвития рынка** от элементарных до наиболее сложных синергетически структурированных, гибких по своим адаптивным возможностям форм, где выделяются внутри- и межсистемные циклы рыночных трансформаций. В данном анализе нас интересуют связанные с метацивилизационными трансформациями экономики **мегациклы рынка**. Базовая позиция, которой, по нашему мнению, следует придерживаться, связана с принципом **конструктивной пере-**

стройки действующей (конкурентной) парадигмы рынка, ее **положительного самоотрицания**. В условиях информационной сверхбыстрой виртуально символической экономики, растущей диссипативности экономического поля и перманентного усложнения экономической ситуации конкурентный рынок теряет главное – способность адекватно реализовывать свою информационно-регуляторную функцию.

Соответствующую неадекватность государственные регуляторы компенсировать, как это было в кейнсианской модели индустриальной экономики, неспособны. С усложнением последней девальвируются, прежде всего, регуляторные возможности государства. Речь идет об общей закономерности, которую экономическая теория обязана учитывать. В настоящее время рыночные отношения стали настолько индивидуализированными, а следовательно – сложными, что любые попытки их системного упорядочивания инструментами государственного администрирования воспринимаются серьезной аналитикой как углубляющие противоречия. Вывод очевиден: эра государственно-регуляторных адаптаций конкурентного рынка заканчивается. Наступает период его метасистемных трансформаций. Именно такой момент переживает сейчас глобально-сетевая экономика.

Эта позиция достаточно широко представлена в исследованиях М. Кастельса. “Нет сомнений, – пишет один из основателей теории информационного общества, – что законы рыночной экономики продолжают работать и в сетевой экономике, но они **действуют особым образом**, понимание которого приобретает решающее значение для того, чтобы жить, выживать в этом смелом мире новой экономики (выделено мной. – А.С.Г.)” [13, с. 64]. На поднятом вопросе акцентирует внимание и Ф. Фукуяма: “Экономический обмен в пределах сети осуществляется на иных принципах, чем экономические взаимоотношения на (традиционном. – А.С.Г.) рынке” [14, с. 274].

Разделяя позицию М. Кастельса и Ф. Фукуямы, мы учитываем наличие нескольких гипотез о содержании соответствующих преобразований. Речь идет о конструкции “фрактального рынка” (Б. Мандельброт, Э. Петерс), “цифрового рынка”, “корпоративно- сетевого рынка” “конвергентного рынка”, “синергетического (олигополистического) рынка” (Л. Евстигнеева, Р. Евстигнеев) и т. д. *. Мы предлагаем синтезирующую концепцию конвергентной формы рынка. Отмеченные гипотезы логично связаны: конвергентный рынок, в нашем понимании, одновременно является и сетевым, и фрактальным, и, безусловно, синергетическим. Его регуляторная функция реализуется через механизмы информационных структур, сетевого разума.

Анализируя поставленную проблему, мы, по сути, учитываем системную раздвоенность современных глобально-экономических процессов, объединение в их структуре как индустриальных, так и постиндустриальных отношений. Эта двойственность отображает специфику разделения труда между глобальным “центром” и его “периферией”. Это же можно сказать и в отношении функциональной раздвоенности рынка. В действительности конкурентный рынок, представляющий индустриальный сегмент глобальной экономики, и конвергентный рынок как институция постиндустриализма – это не параллельные фрагменты

* Этот вопрос предметно анализируется в [15].

мировой экономики; это — и одно, и другое в их органичном (функциональном) объединении. Конкурентный рынок, самоотрицаясь, остается. Он отрицается только как доминанта в своей функции системообразующей структуры экономики, ее иерархического начала. Важно и другое: реализуя свои определения, конвергентный рынок в процессе своего утверждения использует функциональную атрибутику своего предшественника. Мы говорим о типичной для экономики ситуации, при которой новые образования, не сформировав адекватных своему содержанию институциональных механизмов, вынуждены идентифицировать свои ценности на основе существующих функциональных инструментов. В данном случае внешняя форма и содержание соответствующих образований обычно противоречат друг другу. Функциональные коллизии современного рынка определяются и этой ситуацией.

В нашем анализе мы выделяем следующие специфические признаки конвергентного рынка.

Во-первых. Речь идет о принципиально другой субъектности рыночных отношений. Если функциональным субъектом конкурентного рынка является *homo economicus* — человек экономический с соответствующим мировоззрением, системой ценностей и интересов, то конвергентного рынка — *homo sociologicus* с принципиально другим модулем интересов и приоритетных ценностей. Приоритеты *homo sociologicus* на порядок сложнее: они персонифицированы, многоформатны, включают в себя не только чисто экономические, но и неэкономические — социальные и духовные (мировоззренческие и морально этические) — мотивации с доминированием принципа не “иметь”, а “быть”. Соответствующие доминанты корреспондируют с преодолением, как отмечалось ранее, ограниченностей экономического детерминизма. Отсюда принципиальное отличие конвергентного рынка: его функциональные структуры формируют экономические связи в пределах не только традиционной экономики материального производства, но и интеллектуального поля производства, расширенного воспроизводства социального, всей системы жизнедеятельности человека, богатства личности, ее креативного потенциала. Мы говорим об идентификации рынка экономики в ее широком понимании, экономики как формы хозяйствования — в ее булгаковской интерпретации как системного механизма “очеловечивания природы, ее превращения в живой организм” [16, с. 63].

Во-вторых. Как функциональная институция коммуникативной экономики конвергентный рынок не отождествляется с отношениями производства, обмена и распределения прибыли, добавленной стоимости. Он утрачивает доминантность прибыли, реализуемую на основе конкуренции. Сетевой рынок — это такая форма организации коммуникативных связей, которая диктуется нематериальной производственной парадигмой, основывается на экономической стратегии создания большего не через механизмы расширенного воспроизводства — $c, v, m (c + v + m)$, а через максимизацию информации и знаний как основы интеллектуального богатства личности и одновременно общественно-исторического прогресса в их сочетании.

Рынок и конкуренция обычно утверждаются на принципах редкости, дефицитности. Конвергентный рынок предполагает и в этих определениях противоположность. Речь идет о ситуации, когда наибольшую полезность приобрета-

ет не дефицитность, а распространенность определенных благ, в частности информации. Предельная полезность информации и знаний как основного производственного ресурса растет с увеличением количества их потребителей. Логично конвергентного рынка мы связываем и с этим процессом — ростом полезности из-за уменьшения (а не роста, как это имеет место в конкурентной рыночной экономике) редкости.

Следует обязательно учитывать и то, что в соответствующей системе рыночных отношений отсутствует классическая игра спроса и предложения. Рынок конвергентных связей — это рынок “символического обмена” знаков и символов, каковыми в действительности являются информация и знания. Перспективы рыночных трансакций нужно оценивать и с этой позиции. Мы говорим о “символическом обмене”, подчиняющемся законам коммуникаций, принципам “производства” *human relations*. Символический обмен, отмечает известный французский ученый Ж. Бодриар, является обменом не из-за того, что в нем что-то реально (в форме товара) обменивается; он приобретает определенные признаки как атрибут индивидуального использования (потребления) общих ценностей, “символических меновых стоимостей”. Речь идет об обмене как “символической акции”, как прерогативы “символической конкуренции” [17, с. 70–71].

В-третьих. В системе конвергентного рынка изменяются и сущностные определения товара. Товар такого рынка — это продукт текстуального “производства”, экономики знаков, “символического обмена”, и в этом смысле он несет на себе специфические признаки метатовара, товара, который, оставаясь товаром, перестает быть таковым, воплощает в себе другие, неклассические, признаки товара, превращается в его конвергентную форму. Мы говорим не о чем-то абстрактном, а о товарной определенности информации и знаний не только как коммуникативного ресурса, но и как инвестиционного товара, как главной продуцирующей силы новой экономики, как стратегического ресурса, на основе которого реализуется инновационная перспектива. С этим нельзя не считаться, ведь такой товар: а) неотчуждаем от своего носителя; б) не поддается имитации; в) включает в себя интерпретивную функцию, семантические начала; г) не подчиняется логике эквивалентных отношений; д) требует общественно мировоззренческой легитимизации.

Конституирующей основой товара конвергентного рынка становится не предельная и даже не трудовая, а **информационная стоимость**. Соответствующее понятие было введено в научный оборот еще в 1970-х годах Д. Беллом. “Когда знания в своей систематизированной форме, — отмечает ученый, — применяются как определяющий производственный ресурс, то можно сказать, что именно они (знания), а не труд являются источником стоимости” [18, с. 332]. Ж. Бодриар называет такую форму стоимости “знаковой стоимостью”, “символической стоимостью коммуникаций”, “амбивалентной стоимостью”. Принципиальным отличием информационной стоимости является то, что она не поддается системной унификации, всегда индивидуализирована, реализуется через механизмы рефлексивной в сознании человека **социальной конструкции времени** *. Соот-

* В этом стоит сослаться на общеметодологическую позицию И. Пригожина, который, обосновывая специфику социальной конструкции времени, писал: “Время не является чем-то готовым, что предстает в завершенных формах перед гипотетическим сверхчеловеческим разумом. Нет! Время — нечто такое, что конституируется в каждый данный момент” [19, с. 145].

ветствующая определенность стоимости товара присуща социоцентристской экономике — экономике человека, экономике, работающей в режиме on-line, реализующей свои ценности за пределами ньютоновской (астрономической) конструкции “абсолютного времени” и во все большей степени приобретающей признаки мегавременной экзистенциальной структуры. Экономическая теория пока что даже не прикоснулась к этой проблеме.

В-четвертых. Конвергентный рынок реализует свои функции через сетевую структуру социального капитала, интегрируется в механизмы соответствующих структур. Речь идет о двух базовых структурах, которые дополняют друг друга и в своей системной целостности формируют функциональный фундамент конвергентной экономики. В основе этого фундамента лежат качественно новые механизмы саморегулирования. В отличие от экономики конкурентного рынка, в новой системе экономического выбора определяющую роль играют не силы объективной детерминированности (“невидимая рука рынка”), а субъективные, сознательно коммуникативные начала — вооруженная компьютерной технологией сила человеческого разума. В итоге расширяется функциональная основа социально-экономического равновесия — система спонтанного порядка (“laissez-faire”) дополняется социальной сетью доверия, инструментами консолидации и морально-этической ответственности. Речь идет о внутренне структурированных механизмах конвергентного рынка. Его ноостический потенциал утверждается на соответствующей основе.

Важно и другое. Функционируя на основе инструментальных механизмов социального капитала, конвергентный рынок снижает потребность в государственном регулировании экономических отношений. Конвергентный рынок — это инструмент оптимизации институтов государственного вмешательства в систему рыночных отношений. Мы говорим о действии известного в экономической теории “принципа Р. Коуза”, который определяет обратно пропорциональную зависимость между уровнем доверия людей друг к другу и востребованностью общества в государственном регулировании и контроле: больше доверия — меньше государства. Речь идет еще об одной фундаментальной особенности конвергентного рынка: функционируя на основе сетевых механизмов, он не увеличивает, а, наоборот, уменьшает потребность в государственных регуляторах.

Мы также акцентируем внимание на уменьшении трансакционных издержек конвергентного рынка. Важно и то, что его оценочные механизмы размещаются в плоскости не чисто экономической, а социально-экономической эффективности. Понятие “экономическая эффективность” относится к индустриальной эпохе, уходящей в прошлое. Социальный капитал и отвечающий ему конвергентный рынок непосредственно корреспондируют с социально-экономической эффективностью. Эксклюзивность конвергентного рынка, его качественно новая высшая степень социального наполнения, системной социализации и одновременно функционального усложнения определяются именно этими факторами.

Деньги конвергентного рынка

Деньги всегда были и остаются неотъемлемой составляющей рыночного сегмента экономики и поэтому в своем развитии подчиняются общей логике его эволюционного процесса. Как реагирует система денежных отношений на

конвергентную модификацию рынка – вот проблема, которая также пока остается не выясненной экономической теорией. Мы же исходим из того, что в виртуально информационной экономике символов и знаков, экономике, в которой воспроизводственные пропорции формируются по принципам сетевых паттернов, **не существует объективной потребности в моносистемной определенности денег**. Деньги перестают служить синтезирующей мерой ценности товаров, их общесоциальным эквивалентом. Информация и знания как определяющие объекты конвергентного рынка выступают в форме единичного товара (single commodity) и в этом качестве не требуют унифицированной стоимостной оценки. Такая унифицированность в принципе невозможна. Теряя всеобщую определенность, деньги индивидуализируются, приобретают гетерогенные признаки, превращаются в функциональную форму информационной стоимости, атрибут чисто инструментального (процедурно-технического) обслуживания системы транзакционных отношений [20]. В итоге денежная единица превращается в индивидуализированную олицетворенность, в которой стоимостные определения обретают свою значимость (реализуют себя) только в системе отношений ad hoc – в каждой отдельно взятой операции обмена.

В данном случае функциональное тождество стоимости товара и стоимости денег, однопорядковость измеряемого и меры измерения реализуются только в отмеченной плоскости – в плоскости индивидуализированно коммуникативных отношений, в системе обращения single commodity. Теряя всеобщую стоимостную основу, свою унифицированную моничность, деньги приобретают статус **single monetary unite**, становятся структурно гетерогенными. Гетерогенизация конвергентного рынка, гетерогенизация капитала и, наконец, гетерогенизация денег – это звенья взаимозависимых определений, имеющих общую основу – растущую самодостаточность субъектов социально-экономических отношений.

Мы, по сути, говорим о формирующейся сетевой определенности системы денежных отношений, ее соответствии синергетической логике трансформаций мировой и национальной экономик. Сетевая гетерогенность денежной системы – это функциональная разноплановость самодостаточных форм денег, специфичность которых очерчивается не только индивидуализированным (автономным) инструментарием, но и выделенным полем своего применения. Соответствующие формы денег могут по своему внешнему виду и не отличаться друг от друга, воплощаться в процессе своей реализации в идентичные – пластиковые (электронные) или бумажные носители. Речь идет о типичной для системы денежных отношений ситуации, при которой новые функциональные образования, не сформировав адекватную своему содержанию институционно формализованную атрибутику, вынуждены реализовывать свои ценности через использование существующих (старых) монетарных форм.

Процесс гетерогенизации системы денежных отношений, формирование их выделенных самодостаточных форм происходит как в вертикальной, так и в горизонтальной дифференциации. В книге известного специалиста в области финансов Б. Лиетара “Будущее денег” (1999 г.) перспективы гетерогенизации денежной системы рассматриваются в контексте сочетания мировых, региональных, национальных денег и одновременно местных, корпоративных и других форм мобильных денежных суррогатов – “почти денег” (near money).

Идентичной позиции придерживаются и российские ученые О. Красильников и Е. Красильникова, которые наряду с государственной системой денег выделяют местные, корпоративные, экстерриториальные и другие денежные системы [21]. Речь идет о процессе индивидуальной самолегитимизации денег, утверждении их действенности через механизмы эксклюзивной эмиссии, о денежных формах, покупательная способность которых не декларируется государством.

Особый интерес в этом представляют местные валюты, в частности денежные формы системы LETS (local exchange trading system), которая в 1980-х годах была основана в Канаде, а со временем получила распространение в Австралии, Франции, Скандинавских и других странах. По оценкам Европейского центрального банка, в настоящее время в Европе насчитывается свыше 100 местных валют. Один из примеров этого – бристольский фунт, который, начиная с августа 2012 г., функционирует на территории британского портового города Бристоль [21, с. 153, 155]. Динамично развивается и процесс автономной монетизации внутрикорпоративных отношений. Обеспеченные ценностями активами корпораций, соответствующие денежные суррогаты клирингового типа получают все большее распространение не только в крупных, но и в средних по своим параметрам корпорациях, прежде всего в сетевых корпорациях горизонтального типа.

Понятна и суть этого процесса. Речь идет, с одной стороны, о специфической определенности доверия, на котором основывается локальная устойчивость местных и корпоративных денег, а с другой – о формировании на их базе дополнительных механизмов ликвидности. Деньги сами по себе не формируют креативность; они способствуют реализации творчества, эксклюзивным носителем которого является человек и только человек. Растущая самодостаточность человека, укрепление потенциала его индивидуальности, свободы выбора и достоинства коренным образом меняют логику спроса на деньги: принцип “денег всегда должно быть мало” трансформируется в принцип “**денег должно хватать**”. Вся существующая система денежных отношений строит свои функциональные механизмы по принципу “денег мало”. Вместо этого экономика конвергенции настоятельно требует установления системных отношений по принципу “оптимальной достаточности денег” и соответствующей трансформации дополнительного потенциала ликвидности в воспроизводственные механизмы социоэкономической экспансии. Существуют убедительные доказательства того, что в перспективе траектория эволюции денежных отношений будет осуществляться именно в этом направлении.

Речь идет о перспективе качественно новой матрицы национальных денег, о деньгах сетевой системы социального капитала, деньгах как преобразованной форме соответствующего капитала, его функционального носителя. Потенциал стабильности такого типа национальных денег, их предельная устойчивость и отвечающая ей предельная полезность определяются потенциалом дееспособности (креативности) сформированного в социоэкономической системе социального капитала. Имеется в виду реализация взаимозависимости: **отношения доверия – социальный капитал – деньги как преобразованная форма социального капитала**. Новым качеством денег как преобразованной формы социального

капитала является то, что, будучи основанными на началах доверия, они, естественно, аккумулируют в себе и принципы конвергентных отношений. Отсюда вытекает основополагающий методологический вывод: деньги как атрибут социального капитала, инструмент коммуникативного рынка по своей сути могут быть только деньгами конвергентного типа.

Этой определенностью обуславливается качественно новая системная социальность денег. В предлагаемой матрице деньги утрачивают типичную для конкурентного рынка “статусную” функцию (“я есть тем, сколько имею денег”); они не могут рассматриваться как инструмент социальной дифференциации и социального отчуждения, оставаться конституирующим атрибутом социально-экономической лестницы, кодировки социальных разграничений и социальной иерархии. Деньги конвергентного рынка перестают быть для человека силой его деперсонификации, обесценения собственного “Я”, девальвации человеческой индивидуальности. Как атрибут коммуникативной (социоцентристской) экономики деньги в новом качестве перебирают на себя функцию чисто технического посредника конвергентных отношений – обмена информации на информацию, доверия на доверие. Новая философия соответствующей функциональной формы денег утверждается на основах соответствующего посредничества.

Исходя из нашего анализа, мы можем с высокой степенью вероятности определить направленность эволюции и валютных отношений, логику их реформирования. В этих предположениях мы учитываем то, что в настоящее время доминантой развития мировой экономической системы является не углубление централизации (пик которой уже остался позади), а децентрализация системных преобразований, усиление самодостаточности субъектов мирового рынка, утверждение на этой основе приоритетности горизонтальных артикуляций глобального пространства, его неиерархической гетерогенизации [22]. Это прогрессивный процесс, который нельзя отрицать. Он отражает принципиальные отличия постиндустриализма от индустриальной глобализации.

В соответствии с этими трансформациями усилия следует сосредоточить на поиске эффективных механизмов не восстановления (как об этом говорится во многих исследованиях, в том числе и отечественных ученых) вертикальной унификации валютной системы, а ее децентрализации. Не возврат назад, к квази-золотому стандарту, к принципам Бреттон-Вудса, а совершенствование механизмов Ямайки – такой, по нашему мнению, должна быть концептуальная основа соответствующих решений. Логика Ямайки – это логика гетерогенизации валютных отношений, это принцип не моно-, а мультивалютных предпочтений, гибких валютных курсов. Проблемность действующей системы валютных отношений состоит в неадекватности существующего инструментария реализации соответствующей логике.

Понятно, что матрица углубления горизонтальной рефлексивности валютных отношений обуславливает их осязаемое усложнение. Однако это уже вопрос чисто эмпирического порядка, прикладных решений. Проблему обновления механизмов валютных регуляций нужно решать не с повернутым назад, в сторону Бреттон-Вудса, лицом, а в плоскости новейших определений глобальных экономических, прежде всего рыночных, преобразований. Реализация этого вектора призвана обеспечить большую гибкость денежно-валютной системы,

расширить ее рефлексивный потенциал, адаптивные возможности. Механизмы преодоления системных противоречий монетарных отношений, которые продолжают накапливаться и после кризиса 2008–2009 гг., размещаются в соответствующей плоскости.

Еще раз хочется отметить, что основой проведенного нами анализа является поиск научных обобщений, идентифицирующих перспективу. Речь идет об определяющей функции экономической теории, касающейся и непосредственно экономики. Экономика — это создание будущего. К тому же экономика, в том числе и система рыночных отношений, это всегда больше, чем то, что мы знаем о ней. Наука обычно не успевает за ее динамикой. Это общеизвестные истины. Экономическая теория утверждается как инновационная система знаний только в той степени, в которой она ориентирована на научную интерпретацию перспективы. Хотелось бы, чтобы заинтересованный читатель учел это обстоятельство, руководствовался им.

Список использованной литературы

1. *Тоффлер Э.* Третья волна. — М. : АСТ, 2004. — 781 с.
2. *Иноземцев В.* За пределами экономического общества. — М. : Academia-Наука, 1998. — 614 с.
3. *Белл Д., Иноземцев В.* Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. — М. : Центр исследований постиндустриального общества, 2007. — 304 с.
4. *Гринберг Р.* Найти выход из мировоззренческого тупика // Мир перемен. — 2013. — № 1.
5. *Евстигнеева Л., Евстигнеев Р.* Экономика как синергетическая система. — М. : URSS, 2009. — 266 с.
6. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию ; [пер. с англ.]. — М. : АСТ, 2004. — 736 с.
7. *Гальчинский А.* Принципы ноогенезиса в контексте учения В. Вернадского // Экономика Украины. — 2010. — № 5. — С. 16–29.
8. *Гальчинський А.* Політична нооекономіка: начала оновленої парадигми економічних знань. — К. : Либідь, 2013. — 470 с.
9. *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм — это гуманизм / Сумерки богов. — М. : Политиздат, 1989. — С. 319–344.
10. *Рюс Ж.* Поступ сучасних ідей. — К. : Основи, 1998. — 669 с.
11. *Базилевич В., Лы́н В.* Метафізика економіки. — К. : Знання, 2007. — 718 с.
12. *Габермас Ю.* Постметафізичне мислення. — К. : Дух і літера, 2011. — 280 с.
13. *Кастельс М.* Интернет-Галактика. Міркування щодо Інтернету, бізнесу та суспільства. — К. : Ваклер, 2007. — 290 с.
14. *Фукуяма Ф.* Великий разрыв. — М. : АСТ, 2004. — 474 с.
15. *Михайловська О.* Синергетична парадигма розвитку світової економіки. — Чернівці : Місто, 2012. — 400 с.
16. *Булгаков С.* Философия хозяйства. — М. : Терра, 2008. — 352 с.
17. *Бодриар Ж.* К критике политической экономии знака. — М. : Академический проект, 2007. — 335 с.
18. *Белл Д.* Социальные рамки информационного общества / Новая технологическая волна на Западе. — М. : Прогресс, 1988. — 330 с.

19. Пригожин И. Определено ли будущее? – Ижевск : Ин-т компьютерных исследований, 2005. – 240 с.
20. Гальчинський А. Гетерогенізація системи грошових відносин: парадигма перспективи // Вісник Національного банку України. – 2012. – № 7. – С. 4–10.
21. Красильников О., Красильникова Е. Внегосударственные денежные системы // Вопросы экономики. – 2013. – № 5. – С. 151–155.
22. Гальчинский А. Методология анализа экономической глобализации // Экономика Украины. – 2009. – № 1. – С. 4–18.

References

1. Toffler A. *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Moscow, AST, 2004 [in Russian].
2. Inozemtsev V. *Za Predelami Ekonomicheskogo Obshchestva* [Outside the Economic Society]. Moscow, Academia-Nauka, 1998 [in Russian].
3. Bell D., Inozemtsev V. *Epokha Razobshchennosti: Razmyshleniya o Mire XXI Veka* [Disconnection Epoch: Reflections about the World of the XXI-st Century]. Moscow, Center of Studies of Post-Industr. Soc., 2007 [in Russian].
4. Grinberg R. *Naiti vykhod iz mirovozzrencheskogo tupika* [To find an exit from the outlook dead end]. *Mir Peremen – World of Changes*, 2013, No. 1 [in Russian].
5. Evstigneeva L., Evstigneev R. *Ekonomika kak Sinergeticheskaya Sistema* [Economy as a Synergetic System]. Moscow, URSS, 2009 [in Russian].
6. Fukuyama F. *Doverie: Sotsial'nye Dobrodeteli i Put' k Prosvetaniyu* [Confidence: Social Virtues and Ways to Prosperity]. Moscow, AST, 2004 [in Russian].
7. Hal'chynsky A. *Printsypy noogenezysa v kontekste ucheniya V. Vernadskogo* [Principles of the noogenesis in the context of V. Vernadskyi's doctrine]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2010, No. 5, pp. 16–29 [in Russian].
8. Hal'chyns'ky A. *Politychna Nooekonomika: Nachala Onovlenoi Paradygmy Ekonomichnykh Znan'* [Political Nooeconomy: Foundations of a Renewed Paradigm of Economic Knowledge]. Kyiv, Lybid', 2013 [in Ukrainian].
9. Sartre J.-P. *Ekzistentsializm – eto gumanizm, v: Sumerki Bogov* [Existentialism is a Humanism, in: Twilight of Gods]. Moscow, Politizdat, 1989, pp. 319–344 [in Russian].
10. Russ J. *Postup Suchasnykh Idei* [La Marche des Idees Contemporaines]. Kyiv, Osnovy, 1998 [in Ukrainian].
11. Bazylevych V., Il'in V. *Metafizyka Ekonomiky* [Metaphysics of Economics]. Kyiv, Znannya, 2007 [in Ukrainian].
12. Habermas J. *Postmetafizychni Myslennya* [Postmetaphysical Thinking: Philosophical Essays]. Kyiv, Dukh i Litera, 2011 [in Ukrainian].
13. Castel's M. *Internet-Galaktyka. Mirkuvannya shchodo Internetu, Biznesu ta Suspil'stva* [Internet-Galaxy. Reflections on the Internet, Business and Society]. Kyiv, Vakler, 2007 [in Ukrainian].
14. Fukuyama F. *Velikii Razryv* [The Great Disruption]. Moscow, AST, 2004 [in Russian].
15. Mykhailovs'ka O. *Synergetychna Paradygma Rozvytku Svitovoi Ekonomiky* [The Synergetic Paradigm of Development of the World Economy]. Chernivtsi, Misto, 2012 [in Ukrainian].
16. Bulgakov S. *Filosofiya Khozyaistva* [Economy's Philosophy]. Moscow, Terra, 2008 [in Russian].

17. Bodrijar J. *K Kritike Politicheskoi Ekonomii Znaka* [For a Critique of the Political Economy of the Sign]. Moscow, Akad. Proekt, 2007 [in Russian].

18. Bell D. *Sotsial’nye ramki informatsionnogo obshchestva, v: Novaya Tekhnologicheskaya Volna na Zapade* [Social frame of an informational society, in: New Technological Wave in the West]. Moscow, Progress, 1988 [in Russian].

19. Prigogine I. *Opreделeno li Budushchee?* [Is future given?]. Izhevsk, Inst. Comput. Research., 2005 [in Russian].

20. Hal’chyns’ky A. *Geterogenizatsiya systemy groshovykh vidnosyn: paradygma perspektyvy* [Heterogenization of the system of monetary relations: the paradigm of a perspective]. *Visnyk Natsion. Banku Ukrainy – Bull. of the Nation. Bank of Ukraine*, 2012, No. 7, pp. 4–10 [in Ukrainian].

21. Krasil’nikov O., Krasil’nikova E. *Vnegosudarstvennyye denezhnye sistemy* [Nongovernmental monetary systems]. *Voprosy Ekonomiki – Questions of Economy*, 2013, No. 5, pp. 151–155 [in Russian].

22. Hal’chynsky A. *Metodologiya analiza ekonomicheskoy globalizatsii* [Methodology of the analysis of the economic globalization]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2009, No. 1, pp. 4–18 [in Russian].

Статья поступила в редакцию 4 сентября 2013 г.